Ж. Ж. Варбот

ЭТИМОЛОГИЯ (греч. etymologia - установление истинного смысла слова, от грамматического термина etymon - истинное значение слова и logos - определение, учение) - 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов. 2) Комплекс исследовательских приёмов, необходимых для выяснения происхождения слова, и результат этого выяснения - решение, гипотеза. 3) Происхождение слова.

Предметом Э. как раздела языкознания является исследование источников и процесса формирования словарного состава языка, включая реконструкцию словарного состава древнейшего (обычно дописьменного) периода. Непосредственный объект Э.- гл. обр. т. н. тёмные слова, в к-рых носителям языка непонятны связь формы и значения («почему это так называется»). Затемнение этой связи (деэтимологизация) - следствие исторических изменений формы и значения слов, а также лексической и грамматической систем языка. Так, деэтимологизация слова *повесть* и утрата осознания его производности от глагола *поведать* объясняется в основном изменением *д>с* перед суффиксом *-т-*. Причиной забвения родственных связей может быть смена словообразовательных моделей языка, так что древние слова, образованные по утраченным моделям, становятся позднее непонятными по структуре: ср. *знамя* - производное с архаическим суффиксом *-мен-/-мя* от *знать.* Иногда причина - в морфологических преобразованиях слова, искажающих структуру морфем: так, *наст* и *застить* образованы соответственно от *настать* и *застать* с усечением корня *(ст-* вместо *ста-).* Причиной деэтимологизации бывает утрата слова, от к-рого образовано анализируемое слово: *вежливый* -производное от др.-рус. *вѣжа, вѣжь* – 'знающий'. Подобные изменения являются неизбежным следствием функционирования языка как средства общения и даже необходимы для того, чтобы язык мог в течение веков выполнять эту функцию. Напр., возможность переноса названия с одного предмета на другой (изменение значения слова) избавляет язык от необходимости создания массы новых слов в связи с развитием материальной и духовной культуры народа - носителя языка. Ср. историю значений слова *спутник:* сначала - 'тот, кто совершает путь вместе с кем-л.', затем - 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты' и, наконец, 'космический корабль, запускаемый на околопланетную орбиту'. Важнейшей причиной деэтимологизации является знаковая природа слова: как правило, уже при возникновении слова его значение отличается (многостороннее, шире) от первичной мотивации, определяющей образование названия данного предмета от другого слова, так что новое слово становится условным знаком предмета. Так, первичной мотивацией для образования слова *окно* от *око* послужило сходство с оком, глазом, но уже первичным значением было 'отверстие'. Память о первичной мотивации слов делает язык образным, ярким, оживление этой мотивации - одно из важных средств поэтической речи, ср.: «*И лучшая вам честь, Ушедшие,- презреть раскол: Совсем ушёл. Со всем -ушёл»* (Цветаева). Но развитие значений неизбежно оттесняет и даже стирает первичную мотивацию, что также является условием длительного функционирования слов, поскольку развитие значения может вступить в противоречие с первичной мотивацией: см. сочетания *совсем*

ничего нет, ужасно талантливый. Признание неизбежности и необходимости деэтимологизации слов на протяжении истории языка и соответственно исторической обусловленности и исторического соответствия каждого этапа в истории слова - одно из принципиальных отличий совр. научной Э. от античной Э., к-рая считала искомое первичное значение слова (собственно даже первичную мотивацию) единственно истинным, что отражено и в греч. названии этого раздела языкознания .

Цель Э. в совр. науке понимается как определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации и соответственно от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также выяснение путей и причин преобразования его первичных формы и значения вплоть до последнего состояния. Реконструкция первичной мотивации, формы и значения слова - предмет этимологического анализа. Сущность процедуры этимологического анализа - генетическое отождествление основы рассматриваемого слова с основой другого слова как исходной, производящей основой, а также отождествление других структурных элементов слова (префикса, суффикса и т. д.) с исторически известными структурными элементами, реконструкция соответствующей первичной формы слова с первичной мотивацией и первичным значением. Непременным этапом этимологического анализа является снятие исторических изменений, пережитых словом. Основу этимологической методики составляет сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, к-рый опирается на законы фонетических изменений, а также закономерности и тенденции изменения единиц морфонологического, морфологического, словообразовательного, синтаксического и лексического уровней языка, являющиеся предметом изучения сравнительно-исторического языкознания. Неотъемлемая составляющая этого метода -сравнение анализируемого слова с потенциально родственными лексемами того же языка или родственных языков. В зависимости от характера исторических изменений, пережитых словом, и от его соотношения с потенциально родственными словами в отдельных случаях этимологического анализа ключевым, решающим оказывается анализ различных структурных элементов или, значения слова. Так, для установления производности *узы* от *вязать* (на праслав. уровне) достаточно знания фонетических законов (чередование е/о, монофтонгизация дифтонгов *еn* > рус. '*а*, *оn* > рус. *у,* появление протетического *в*). Но единство слова как лексической единицы проявляется, в частности, и во взаимозависимости структурных и семантических изменений. Поэтому этимологический анализ, как правило» не ограничивается одним аспектом слова. Так, для установления родства слов *начало* и *конец* и их общей производности от *(на)чать* необходимо знание не только упомянутых выше фонетических законов (чередование *е/о,* изменение *к>ч* перед е, монофтонгизация дифтонга *еn* > рус. '*а* в корне *ча-/кон-),* но и диалектической связи понятий начала и конца (как двух ограничивающих пунктов), что подтверждается материалом родственного сербохорватского языка: *од кона до кона* -'с начала до конца'.

При всей бесспорности связи этимологического анализа формы и значения слова широко распространённое мнение об особой трудности семантического анализа в Э.- объяснения связи и развития значений,

реконструкции первичной мотивации и первичного значения - имеет объективные основания, поскольку семантические изменения необычайно разнообразны по качеству и диапазону, а в семантике нет законов, определяющих обязательные (для определённых условий) изменения значений, так что Э. опирается только на вероятность семантических изменений. Но и в анализе семантического аспекта слова Э. имеет нек-рый набор методов, исходящих из принципа аналогии: метод семантических параллелей, метод семантического поля (и производные от него принципы номинации), метод сопоставления с семантическим содержанием этимологического гнезда. Метод семантических параллелей заключается в том, что в качестве доказательства предполагаемого изменения значения (или возможности сочетания значений) используются случаи аналогичного развития (или сочетания) значений. Так, производность слова *мелкий* от *молоть* в семантическом плане аргументируется образованием слова *дробный* от *дробить.* Метод семантического поля предполагает рассмотрение генезиса слова и истории семантики слова на фоне синонимичных или семантически близких образований (названия рельефа, названия обуви, терминология определённого ремесла и т. п.), на материале к-рых выявляются типичные для этого поля принципы номинации (первичной мотивации) и соответственно определяется вероятная первичная мотивация исследуемого слова. Так, известная мотивация названий рельефа названиями частей тела человека или животного (ср. *нос, хребет)* позволяет генетически отождествить *степь* - 'безлесное, покрытое травой пространство' (но первично - 'возвышенная равнина') с диалектным *степь* - 'холка лошади'. Семантические изменения и типы мотивации лишь в нек-рой части объясняются общими закономерностями человеческого мышления (откуда семантические параллели в области изменений типа 'близко' --> 'скоро', 'тяжесть' --> 'печаль') или общим опытом материального производства, общественной жизни, общения людей ('острый' --> быстрый', 'сильный'-->'быстрый'-->'нахальный', 'материал'-->'предмет, изготовленный из этого материала'). Большая часть изменений значений обусловлена природной и общественной средой, историей культуры, к-рые во многом различны у разных народов. Поэтому при использовании методов семантических параллелей и семантического поля Э. опирается прежде всего на данные того же языка или близкородственных языков (для рус. языка - славянских). Наибольшая языковая близость сопоставляемых материалов обеспечивается методом сравнения семантики анализируемого слова с семантическим содержанием (значениями всех родственных лексем) этимологического гнезда, к-рое предполагается в качестве источника этого слова. Напр., принадлежность слова *рыхлый* к гнезду *рушить* обосновывается в плане семантики наличием в этом гнезде синонимичных с *рыхлый* диалектных *рухлый* и *рох-лый.* Толкование семантических изменений, при всех возможностях указанных методов, должно базироваться на совокупности знаний о всём мире, окружающем носителей языка, их истории, к-рые могут обусловить и неординарные изменения значений слов. Так, для толкования Э. слова *орех* ключевым моментом оказалось обращение к природной среде славян, в к-рой орехи - это плоды лещины, растущие пучками, связками, что позволило объяснить *орех* как производное от *решить* (первичное значение к-рого было 'связать'). Для объяснения происхождения слова *орава,* при совр. значении 'беспорядочное и шумное скопление людей', существенны сведения

о характерном для старого крестьянского быта обычае коллективной помощи при наиболее трудоёмких работах и родственное кашубское слово *orava* - 'взаимная соседская помощь при пахоте', так что это слово возводится к старому *орать* - 'пахать'. Необходимым рабочим приёмом в Э. является реконструкция - восстановление первичных форм и значений слов. Поскольку деэтимологизация может произойти на весьма раннем этапе функционирования слова, необходимость Э. и соответственно реконструкции не зависит от возраста слова и объектом Э. нередко оказываются недавно возникшие слова типа *катюша* — 'реактивное артиллерийское орудие': это название появилось в годы Великой Отечеств, войны 1941-45 как «расшифровка» заводской марки К на первых боевых машинах с этими орудиями, произведённых Воронежским заводом им. Коминтерна (вероятно, сыграла роль ассоциация К с популярной в то время песней «Катюша»). Однако между зафиксированным состоянием слова и реконструкцией его первичных формы и значения всегда есть временной интервал (варьирующийся от слова к слову), происшедшие за это время изменения «снимаются» теоретически, поэтому результаты этимологического анализа являются гипотетическими при самом строгом соблюдении всех методических требований. Прямое следствие этого - множественность этимологических толкований одного и того же слова, нередко одновременно признаваемых в Э. Напр., слово *муторный* может быть производным с архаическим префиксом *му-* от *торить* (ср. его диалектное значение 'мучить' и родственное слово *приторный)*, но достаточно вероятно и его образование от глагола *мутить.* Гипотетичность этимологических решений в значительной степени определяется индивидуальностью истории каждого слова. Поэтому практически неэффективны опыты формализации этимологического анализа (формулы ценны лишь как средство обобщения проведённых результативных исследований). Важнейшим средством уменьшения гипотетичности, повышения надёжности Э. является увеличение системности в Э. На достижение этой цели ориентированы характерные для совр. Э. обращение к этимологизации целых групп лексики, выделенных по различным принципам (этимологическое гнездо, семантическая группа, лексико-грамматическая группа), и расширение фона этимологизации одного слова до размеров морфосемантического поля, охватывающего все слова, к-рые могут быть по форме или по значению соотнесены с анализируемым словом и оказаться причиной его изменений (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, слова, производные от анализируемого, контекстуальное окружение).

Пользуясь комплексным методом исследования, Э. не только опирается на данные сравнительно-исторической грамматики, семантики, лексикологии, но и обогащает все отрасли исторического языкознания новыми материалами, как подтверждающими уже известные закономерности, так и обнаруживающими ещё не изученные явления в истории языка. Особенно велика роль Э. в выявлении редких морфем, редких изменений единиц различных уровней языка.

Э. тесно связана с диалектологией (см.): лексика говоров сохраняет обширный фонд архаичных по форме или значениям слов, к-рые являются исторически связующими звеньями между лит. лексикой и её истоками. Так, при лит. значении слова *пестовать* - 'нянчить, выхаживать, выращивать' в диалектах представлены значения того же глагола - 'нянчить ребёнка, держа

его на руках, на коленях, подбрасывая его', 'определять рукой вес груза, предмета', ср. и *пес-тать* - 'определять вес, поднимая кого-что-л.', к-рые позволяют восстановить первичное значение - 'подбрасывать, двигать вверх-вниз' и производность *пестовать* от *пест,* при первичной мотивации - 'двигать подобно песту в ступе'. Диалектная лексика очень существенна для полноты изучения семантических полей рус. языка и соответственно как источник наиболее надёжных для Э. лексики лит. языка семантических параллелей и принципов номинации. Так, генетическое тождество *пахать* - 'разрыхлять землю' и диалектного *пахать* - 'мести' (при первичности диалектного значения) подтверждается генетическим тождеством лит. *мести* и диалектного *взмет метать* - 'пахать', *метка пашни* - 'пахота под яровое'.

Выясняя происхождение слов, возникших в дописьменный период существования языка, Э. обнаруживает принципы номинации и реконструирует лексический фонд этого периода, что представляет интерес не только для исторической лексикологии, но и для изучения истории соответствующего общества, его материальной и духовной культуры. Так, возможность генетического отождествления слов *корабль* и *короб* (на пра-слав. уровне) означает вероятность изготовления судов у древних славян путём плетения. Вероятность образования слова *суд* от *сяду* свидетельствует о форме древнего судопроизводства - заседании. Этимологическое изучение заимствованных слов выявляет контакты носителей языка с другими народами, время и характер этих контактов: ср. обилие кораблестроительных и военных терминов, заимствованных в рус. язык из германских языков, названий одежды, кушаний -из франц. языка.

Носители языка не безразличны к употребляемым словам, и одним из проявлений этого является стремление говорящих (иногда даже инстинктивное) уяснить для себя связь того или иного слова с другими словами языка. Если исторические изменения затемнили эту связь, нередко происходит «подгонка» формы слова под какое-то близкое по звучанию слово, при условии нек-рой близости или сопоставимости значений. Так, в речи учащихся дореволюционных духовных училищ, где изучался греч. язык, греч. *stauros* - 'кол, свая' послужило базой для появления выражения *дубина стоеросовая,* в к-ром грецизм по форме сближен с глаголом *стоять* (ср. более близкие к греч. первоисточнику диалектное *ставры точить* - 'пустословить' и фамилию *Ставросов).* Подобные преобразования называются народной Э. Они особенно характерны для диалектной речи, просторечия, при освоении заимствований: ср. просторечное *спин-жак, скупидом,* диалектное *тепломат* - 'мужское зимнее пальто типа дипломат'. Преобразованная, народно-этимологическая форма слова может удержаться в языке как единственная, и эта возможность учитывается при этимологизации. Так, слово *свидетель* - производное от *сведать,* преобразованное народной Э. в направлении сближения с *видеть.* Произвольные, антиисторические сближения слов как якобы родственных иногда не проявляются в преобразованиях формы слов, но существуют в сознании носителей языка и обнаруживаются при попытках объяснения древнего значения слова: отсюда толкование слова *ужас* как 'впечатление от ужа', *берег* - 'то, что оберегает', *счастье* - 'то, что дано сейчас' (все примеры - из художественной лит-ры) или широко распространённое понимание слова *медведь* как сложения *мёд* и корня *ведать* (исторически - *мёд* и *есть).* Следовательно, понятие «тёмные слова» (как объект Э.) относительно, и

внимания Э. требует не только объяснение происхождения слов, осознаваемых как этимологически неясные, но и изучение генезиса всего лексического состава языка, независимо от степени его этимологической «прозрачности».

Результаты Э. обобщаются в этимологических словарях (см.).

Базой рус. научной Э. послужили работы рус. языковедов, особенно А. Х. Востокова, по сравнительно-историческому изучению рус. языка. Массированный этимологический анализ рус. лексики в России был начат в трудах Ф. И. Рейфа и Ф. С. Шимкевича в 1-й пол. 19 в. Специально этимологические научные разработки рус. лексики появились в работах Я. К. Грота, Ф. Ф. Фортунатова. Рус. научная Э. сформировалась в кон.

19 - 1-й пол. 20 вв.- труды А. А. Шахматова, Г. А. Ильинского, Б. М. Ляпунова, А. И. Соболевского, С. Микуцкого, Н.В. Горяева, А.Г. Преображенского. Новый подъём рус. Э. с 50-х гг.

20 в. тесно связан, как и общий подъём Э. в мировой науке, с развитием общей теории языкознания, достижениями исторического языкознания и диалектологии и отразился в этимологической деятельности Л.А. Булаховского, В.В. Виноградова, П. Я. Черных, Н. М. Шанского, Г. П. Цыганенке Большой вклад в формирование совр. уровня рус. Э. внесли слависты В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв, В. В. Мартынов, Н. И. Толстой, индоевропеисты Вяч. Вс. Иванов и Ю. В. Откупщиков. Разработки различных методических и теоретических вопросов рус. Э., а также конкретные этимологические исследования рус. лексики принадлежат А.С. Львову, В.А. Никонову, А.К. Матвееву, В.А. Меркуловой, В.М. Мокиенко, И.П. Петлевой, Н.С. Араповой, Л.В. Куркиной, И. Г. Добродомову, Ж. Ж. Варбот и др.

Лит.: БулаховскийЛ.А., Деэтимологизация в рус. языке, в кн.: Тр. ин-та рус. языка АН СССР, т. 1, М.-Л., 1949; Пизани В., Этимология. История - проблемы - метод, пер. с итал., М., 1956; Абаев В. И., О принципах этимологического исследования, в кн.: Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, М., 1956; Топоров В.Н., О нек-рых теоретических основаниях этимологического анализа, « ВЯ», 1960, Jsfe 3; Этимологические исследования по рус. языку (сб.), в. 1-10, М., 1960-93 (изд. продолжается); Трубачёв О.Н., Задачи этимологических исследований в области слав, языков, в кн.: Актуальные проблемы славяноведения, М., 1961; его же, Приемы семантической реконструкции, в кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции, М., 1988; Этимология (сб.), М., 1963-93 (изд. продолжается); Варбот Ж. Ж., О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях, в кн.: Этимология 1963, М., 1965; её же, Праслав. морфология, словообразование и этимология, М., 1984; Этимологические исследования (сб.), Свердловск, 1978-88 (изд. продолжается).

Ж. Ж. Варбот. Этимология // Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–647.